

ПЕТЕР ЦАПФФЕ

О ТРАГИЧЕСКОМ

ТОМ 2



ТОТЕНБУРГ

МОСКВА 2025

УДК 1:159.9
ББК 88.3
Ц17

***Все права на книгу находятся под охраной издателей.
Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена
каким-либо способом без согласования с издателями.***

Перевод с норвежского — Владислав Педдер.

Цапффе, П.

Ц17 О трагическом. Том 2. — М.: Тотенбург, 2025. — 270 с.

Во втором томе Петер Вессель Цапффе углубляет исследование трагического, сосредотачиваясь на катастрофах и вине как центральных испытании человеческого бытия. Автор демонстрирует, как внешние триумфы цивилизации могут скрывать в себе предвестия упадка и технических катастроф, обнажая хрупкость разума и духа перед безразличной реальностью. Сквозь призму феноменологического и юридико-этического анализа Цапффе показывает, что любое стремление, вознесенное до величия, содержит зародыш падения: наши выборы и действия неизбежно влекут ответственность, в которой звучит эхо вины и последствий. Описание катастрофы предстает не как случайность, а как многослойный процесс столкновения ценностей, внешних сил и роковых триггеров, при этом стиль изложения остается строгим и точным, но наполненным поэтической силой образов. Цапффе призывает читателя принять, что каждая надежда несет в себе тень утраты, а осознание уязвимости и доли собственной ответственности делает столкновение с экзистенциальными катастрофами неотъемлемой частью понимания глубин трагического опыта. Этот том заставляет задуматься о структурных основах страдания и о том, как юридические и этические рамки помогают осмыслить трагизм жизни в современном мире.

**УДК 1:159.9
ББК 88.3**

© Владислав Педдер,
перевод с норвежского, 2025

© Издательство «Тотенбург», 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕТЕРА ВЕССЕЛЯ ЦАПФФЕ.	
40 ЛЕТ СПУСТЯ	6
СЕДЬМАЯ ГЛАВА.	
О КАТАСТРОФАХ	8
§ 61. Страдание, несчастье, катастрофа	8
§ 62. Катастрофы. Отдельные ссылки	11
§ 63. Объект атаки	12
§ 64. Атакующая сила	16
§ 65. Собственная причастность	19
§ 66. Первоначальный набросок понятия вины	22
§ 67. Важность уголовного права в современных условиях	30
§ 68. Очерк общей части уголовного права	32
§ 69. Экзистенциальная вина, физиологическая вина, функциональная вина, психологическая вина и этическая вина	72
§ 70. Уголовная вина	97
§ 71. Метафизическая вина	101
§ 72. Повод, «провоцирующая причина»	102
§ 73. Позиция пострадавшего	108
ВОСЬМАЯ ГЛАВА.	
КВАЛИФИЦИРОВАННЫЕ КАТАСТРОФЫ.	
ОПРЕДЕЛЕНИЕ ОБЪЕКТИВНО ТРАГИЧЕСКОГО ...	112
§ 74. Квалификации. Двойное действие импульса. Перипетия	112
§ 75. Трагическая квалификация	125
§ 76. Комментарий	128
§ 77. Жертва и наблюдатель	133
§ 78. Культурно значимая величина	136
§ 79. Величие и катастрофа	144

§ 80. А. Противодействие связано с происхождением, развитием или результатом величия	148
§ 81. В. Катастрофа от автотелического и гетеротелического величия	150
§ 82. С. Величие в фиксированности и способности	154
§ 83. D. Величие проявляется в биологической, социальной или метафизической сфере интересов. Оно проявляется во враждебной (сатанинской), безразличной или благожелательной среде	162
§ 84. Е. Величие связано с реальным или псевдозанятием	170
§ 85. F. Катастрофа наносит удар (непосредственно или косвенно) по интересу, связанному с реализацией величия, или ударяет по другому интересу.	172
§ 86. G. Величие является односторонним или многогранным; оно приводит к катастрофе через конфликт или без конфликта	177
§ 87. H. Противодействие внутреннее или внешнее, или и то, и другое	181
§ 88. I. Страдающий участвует в процессе с экзистенциальной виной, физиологической виной, функциональной виной, психологической, этической, уголовной или метафизической виной. Термин «трагическая вина»	185
§ 89. K. Случайность и необходимость в трагическом ходе	192
§ 90. Существует ли абсолютно необходимая трагедия?	206
§ 91. С вопросом о необходимости трагического возникает и другой, естественный вопрос: можно ли преодолеть трагическое?	215
§ 92. Героическое	223
§ 93. Трагедия и взгляд на жизнь	233

ДЕВЯТАЯ ГЛАВА.

ОБ АВТОТЕЛИЧЕСКОМ

ОПЫТЕ ТРАГИЧЕСКОГО 238

§ 94. Автотелический и гетеротелический аспекты.. 238

§ 95. Новое поле опыта 246

§ 96. Трагический ход поэзии..... 249

40 ЛЕТ СПУСТЯ

Когда возникла идея переиздать эту книгу, в первую очередь встал следующий вопрос: можно ли считать, что центральные идеи получили эмпирическое подтверждение или опровержение за более чем 40 лет, прошедших с момента первого издания в 1941 году? Между тем временем и сегодняшним днем лежит бурная эпоха, способная изменить мировосприятие каждого из нас — на индивидуальном, глобальном и метафизическом уровне.

В одном отношении развитие явно не следовало прогнозам первого издания. Связь между «величием» и «гибелью» стала проявляться яснее во внешнем, техническом проявлении способностей, чем во внутреннем, интеллектуальном развитии. В то время как внешние, материальные триумфы приближаются к кульминации, за которой следуют упадок и катастрофа, мы на ощупь приближаемся к тому, что мы с рабулистским упрощением можем назвать западным и интеллектуальным средним уровнем, все еще пребывая в мучительной неуверенности и недоумении. Тенденция к интеллектуальному бессилию и моральному разложению может быть скорее следствием близости технической катастрофы, чем следствием независимого ценностно-философского нигилизма. Тем не менее осознание того, что значит родиться человеком на Земле, похоже, все больше прорывается наружу, даже у людей, которые обычно сосредоточены на внешнем.

Под давлением самой жизни, а также из-за неизбежной конфронтации души и тела со Смертью как настойчивой, всеохватывающей данностью возникают симптомы тревоги и бегства, ощущение одиночества и чуж-

дости, зависимость от алкоголя и наркотиков, рост преступности, увеличение количества пациентов в психиатрических больницах и тому подобное — все это лишь верхушки невидимых айсбергов. Целью книги было попытаться проследить линию «интереса и условий» от амебы до отчаянного самоубийства гениального человека. Культуры, которые вдохновляются идеей об «озарении Вселенной духом как цели и смысле жизни», сгорают одна за другой, каждая как «путь Надежды». Кажется, что наше стремление не получает «одобрения Абсолюта». И там, где исчезает надежда, наступает безразличие, принося с собой разрушительное опустошение.

В одном неопубликованном манускрипте автор изложил свое «философское завещание» в следующей форме: «Когда созерцательный человек, *studiosus perpetuus vitae* (вечный исследователь жизни) достигает понимания или Гнозиса, что тайна Жизни аморальна, тогда благоговейный трепет улетучивается, и он может при всем своем физическом бессилии, повинаясь категорическому императиву души, схватить тайну за шею и встряхнуть ее, как рукавицу».

Осло, июнь 1983 г.

П. В. Ц.

Вид с последнего утеса можно выразить одной фразой:
«Человечество приходит из Ничто и идет к Ничто.
За этим нет ничего».

Аскер, 10 июня 1988 г.
Петер Вессель Цанффе,
на пороге смерти

СЕДЬМАЯ ГЛАВА

О КАТАСТРОФАХ

§ 61. Страдание, несчастье, катастрофа

Если начать с отвращения как с немедленно данного, можно сказать, что страдание (умственное или физическое) является отвращением с достаточной силой. И если принять слово «процесс»¹ в самом широком смысле, то можно сказать, что страдание возникает из процесса, противоречащего интересам субъекта; под процессом также подразумеваются органические условия и непрозрачные психические процессы, болезни, старость и смерть. Тем не менее пропорциональность между страданием, с одной стороны, и противоположным процессом интереса — с другой, можно установить только в узких пределах; страдание обусловлено множеством неизвестных факторов и бесконечно сложных условий; оно также обычно тесно связано с моментами без страдания и положительного удовольствия и ценности. В предыдущих главах процесс использовался в более ограниченном смысле: план, стремление, борьба за интересы, где сознательное усилие создает напряжение с внешним миром и может быть связано со страданием, но не обязательно. Страдание может быть связано с различными этапами борьбы за интересы, но, возможно, особенно с неудачами. Попытка определить понятие страдания вряд ли приведет к большей ясности, так как значение слова специфично и однозначно; оно встречается в условиях, которые, по видимому, общи для всех людей. Тот факт, что страдание

¹ В данном контексте *forløp* переводится как «течение», «ход» или «процесс». — *Прим. пер.*

может варьироваться бесконечно, — это другой вопрос. Таким образом, я использую этот термин в традиционном смысле без дальнейших пояснений. Также Дидерихс (*Diederichs*)², который посвятил себя углубленному изучению феномена страдания и связанных с ним проблем, не полагался на более чем одно предложение определения. На стр. 7 он говорит: «Это, по сути, момент несчастья, который нужно преодолеть», а позже указывает, что страдание — это нечто «что есть, но не должно быть». Таким образом, предполагается, что это состояние, которое носитель с достаточной силой хочет изменить. Но иногда есть страдания (зло), которые носитель (например, аскет) не хочет изменить, потому что одновременно это состояние что-то ценное; иногда человек сильно хочет изменить условия, не называя это естественным образом страданием (например, комическая ситуация). Едва ли можно достичь описания самого опыта психического страдания без художественных средств, и описание выразительных движений страдания не даст нам того, что мы ищем, — возврата сложного феномена к более простым условиям. Психическое страдание состоит из эмоций, таких как горе, лишение, страх, раскаяние, зависть, тревога и др. Упомянутая выше телесная боль не имеет соответствующего деления; по повседневной привычке различают жжение, покалывание, ущемление, стреляющую боль и т. д. Страдание может быть кратковременным или длительным, может быть устранено, продолжаться без изменений или усиливаться до пароксизмов и вызывать как психическое, так и физическое разрушение. Под словом «несчастье» обычно подразумевают безличное событие, которое является «ближайшей причиной» страдания, тогда как страдание привязано к субъекту и несетя им или ею. Разграничение не всегда четкое, но

² *Vom Leiden und Dulden* [«О страдании и терпении»], Берлин и Бонн, 1930.

часто будет таковым: перелом ноги — это несчастье, а боль, беспомощность и т. д. — это страдание. Незначительные несчастья называются происшествиями. Мы понимаем катастрофу как квалифицированное несчастье. Это слово означает переворот — один комплекс интересов уничтожается и насильственно обращается в другой. В повседневной речи (например, в прессе) «катастрофа» обычно используется для несчастий, которые происходят неожиданно и имеют достаточно большой масштаб; этот термин почти охватывает категорию впечатлений. В этой работе он будет использоваться для непоправимых несчастий достаточной значимости. Положение непоправимости не логически применимо (в теории все изменения непоправимы — *factum infectum fieri nequita*), но практически полезно. Согласно этому употреблению терминов, несчастье (которое не является катастрофой) могло бы быть непоправимым, но ограниченного значения — или более значительного, но восстановленного (преодоленного, пережитого — *restitutio in integrum*, статус кво *ante bellum*). Несчастье, так же как и пример страдания, может «обернуться к лучшему» и в этом смысле было несчастьем лишь на вид или по отношению к оставленному методу оценки. Очищающий и углубляющий эффект страдания подчеркивается рядом авторов, помимо Дидерихса (указ. соч.), такими писателями, как Ницше и Фрейд. В христианстве это составляет основополагающий вопрос. Пример демонстрирует, что я имею в виду под непоправимостью в практическом смысле и под катастрофой как достаточно значимым, непоправимым несчастьем. Если певец теряет руку, это является несчастьем по нормальному употреблению языка; это невозможно восстановить, но не влияет на жизненный опыт, который дает певцу биологическую, социальную и автотелическую санкцию. Трудно думать о потере руки как о катастрофе самой по себе, но это может быть «причиной» катастро-

фы: певец оставляет его любимую женщину и морально разрушается. С другой стороны, потеря голоса будет для него катастрофой (где ничего иного не оговорено). Решающее значение для классификации, следовательно, кажется, заключается в иерархии интересов в каждом случае, и чтобы установить иерархию, необходимо сначала определить и идентифицировать каждый отдельный интерес. Если катастрофа рассматривается как более обширная, было бы необязательно нагружать изложение постоянным выделением шкалы происшествий — несчастий — катастроф и с аналогичной шкалой для страдания от малейшего дискомфорта до самой крайней безнадежности и разрыва. Поэтому я ограничиваюсь разговором о катастрофах и подразумеваю в этом контексте более мягкие формы и страдания, которые их сопровождают.

§ 62. Катастрофы. Отдельные ссылки

В случае катастрофы некоторые факторы будут привлекать внимание больше, чем другие. На практическом уровне полезно уметь индивидуализировать эти факторы в безграничном континууме и группировать их. Такая индивидуализация и группировка, разумеется, не претендуют на абсолютную точность. Но если нужно прояснить его континуум, сделать его усвояемым для мысли, то необходимо придать ему структуру, даже если эта операция равносильна самому жестокому насилию против сущности, поскольку она «непосредственно» воспринимается. Они естественным образом делятся на три группы, которые затем можно разделить снова. В большинстве случаев катастроф в практической жизни и тех, которые могут быть рассмотрены в драматической литературе, такая триада будет полезна для обзора. Деление не является более чем отправной точкой и предваритель-

ным рабочим методом; в процессе использования будет показано, насколько далеко оно нам послужит. В первой группе факторов у нас есть объект атаки, подвергнутый угрозе интерес, уничтоженная ценность. Вторая группа состоит из контрсилы, атакующей силы, враждебной динамики и мешающих условий в окружающей среде. Третью группу труднее охарактеризовать; она включает то, что необходимо для возникновения катастрофы, помимо групп 1 и 2. В качестве собирательного названия можно использовать случай, триггерную причину или что-то подобное. Я повторяю, особенно в связи с группой 3, что это деление не будет выражать разные степени необходимости, все факторы являются равно необходимыми. Группы находятся бок о бок, а не в иерархическом отношении. Все обстоятельства, которые характеризуют индивидуальную катастрофу, отличаются от этих условий катастрофы *sine qua non*³ и — как в практическом (задачно-ориентированном), так и в «эстетическом» (опытно-ориентированном) аспектах — отличают ее от других: объект атаки, природа интереса и враждебного условия, природа причины, взаимодействие импульсов, отношение затронутого субъекта до, во время и после катастрофы, его влияние на всеобщее отношение к жизни, внешний вид общего хода событий для наблюдателя.

§ 63. Объект атаки

Объект атаки в этом смысле предполагает наличие оценочного агента. Для минерала катастроф не существует, поскольку у него нет государственного интереса, интереса, который означает, что государство должно оставаться неизменным, или изменяться определенным обра-

³ *Sine qua non* — это латинский фразеологизм, означающий «необходимое условие», «то, без чего невозможно» (сокращение от *conditio sine qua non*). — Прим. пер.

зом, или стремиться к определенной цели. Что касается растений и возможных бессознательных животных, можно сказать, что для них «лучше» расти и размножаться, чем быть вырванными с корнем, съеденными, сожженными и т. д. Но это представление является следствием наблюдения человека; мы приписываем интерес бессознательному организму, исходя из нашего знания его «энтелехии», его нормального хода развития. Уже в случае «сознательных» животных ситуация становится иной; как минимум животное через аффект или какое-либо другое употребляемое слово испытывает сильное влечение к определенным условиям и насильственное отвращение к другим. Однако поскольку поле интересов животного относительно ограничено (безболезненность, еда, воздух, спаривание, потомство, свобода передвижения), то и варианты катастроф будут таковыми. Мы не знаем, воспринимаются ли они как что-то конкретное, хотя сопутствующие выразительные движения часто кажутся указывающими на это.

Прежде всего катастрофические события происходят в человеческом и в человеческом мире. Здесь можно найти богатейшее разнообразие объектов атаки, ценностей и тонких интересов, которые представляют собой обилие легко воспламеняющегося «топлива». Читатель уже помнит из предыдущих глав очертания этих интересов. Биологические, социальные, автотелические и метафизические ценности, взятые как по отдельности, так и во всех мыслимых сочетаниях, не нуждаются в повторении. Однако важно помнить о необходимости всегда ориентироваться, исходя из положения самого затронутого носителя интересов: то, что для одного представляет биологическую ценность (например, мышечная сила бодибилдера), может являться автотелической ценностью для другого (например, для спортсмена), см. бутылку вина в § 14. Здесь также значима окружающая среда: слепорожден-

ный, возможно, услышав о существовании зрения у других, воспримет этот недостаток как автотелическое несчастье, но это может не стать биологическим ввиду поддержки для слепых. Одиноким же исследователь, потерявший зрение в дикой природе из-за удара молнии, напротив, испытает эту слепоту как биологическую катастрофу или ее начало. (Теоретические вопросы, которые здесь не требуют обсуждения: когда заканчивается «прелюдия» и когда начинается «настоящая» катастрофа? Случается ли катастрофа на самом деле до ее завершения? Общий ответ на это должен быть таков: катастрофа — это процесс, который может длиться больше или меньше времени и в каждом конкретном случае должен быть определен исходя из практических соображений).

Прорываясь через биологическую сферу интересов носителя ценностей, можно встретить формы страданий, такие как удушье, озноб, голод, несчастья, такие как пожар в зернохранилищах, разрушение инструментов, болезни, смерть потомства и катастрофы, такие как раннее разрушение репродуктивной способности, полное уничтожение потомства и смертельные события всех видов, за исключением старости. Естественная смерть, напротив, может оказаться катастрофической для небιологических, художественных, религиозных интересов и т. д. Причина этого различия такова: о катастрофах обычно говорят лишь в тех областях, которые каким-либо образом подлежат возможной санкции, где у носителя интересов есть возможность предпринять профилактические усилия. Удаление этого различия привело бы к тому, что естественная смерть должна была бы классифицироваться среди биологических катастроф, занимая в итоге доминирующее положение.

Прорываясь через (реальную или псевдо-) социальную сферу интересов, можно встретить такие формы страданий, как чувства стыда и одиночества, несчастья, такие

как понижение в должности и утрата гражданской репутации, и катастрофы, такие как изгнание и ссылка (изгнание евреев из Израиля, римские *exilium* и *interdictio aquae et ignis*, церковные осуждения и отлучение от церкви).

Прорываясь через автотелическую сферу интересов, можно встретить формы страданий, такие как боль сама по себе, лишения и депрессия; несчастья, такие как потеря способностей к автотелическому самовыражению (утрата красоты, художественных навыков, финансового избытка и т. д.), которые значительно уменьшают радость жизни и могут даже активировать гетеротелическое поле интересов (возвращение к «пути долга» и т. д.), и катастрофы, такие как любое из перечисленных несчастий, когда оно лишает индивида всей воли к жизни и превращает его в душевно опустошенного человека (уничтожение якорных сентиментальных ценностей, крах ожиданий триумфов или удовольствий).

Прорываясь через метафизическую сферу интересов (или, несмотря на представительские усилия, невозможность установить удовлетворительный статус), можно встретить формы страданий, такие как религиозная тревога, осознание греха, космическая тоска, метафизические ощущения пустоты и замешательства, впечатление бессмысленности жизни; несчастья, такие как крушение метафизических якорей, разоблачение пророков, в которых верили, и т. д.; и катастрофы, такие как крах основного метафизического якоря, осознание того, что человек потерян навеки.

Большинство несчастий затрагивают несколько направлений интересов. Мы рассматриваем носителем интересов везде индивидуума; когда группа выступает носителем, мы воспринимаем ее как собрание временно единомысленных индивидуумов. Необходимость этого становится очевидной, как только один из индивидов отклоняется от группы.

§ 64. Атакующая сила

Также в случае того, что повреждает интерес или противодействующую силу, необходимо начать с индивидуализации и упрощения непредсказуемой сложности факторов. Самая большая, доступная для разграничения опасность, вероятно, находится во внешнем мире носителя интересов. Внешний мир здесь означает все существующее, что не идентично существу носителя интересов и находится с ним в такой функциональной связи, что может влиять на состояние поля интересов. Носитель интересов — «самость» — является здесь вспомогательным понятием; наши представления о ней и о ее разграничении от несамости неясны; все модели имеют изъяны. Однако я не вижу способа прояснить «объективно трагическое» без помощи этого противопоставления. Ряд вопросов более спекулятивного характера остаются нерассмотренными; возможно, при более глубоком рассмотрении они даже окажутся псевдопроблемами. Это относится к вопросам о природе и растворении носителя и самого интереса (возвращение к более простым компонентам), и к отношению между носителем и интересом. Случай, в которых невозможно прояснить свой интерес, должны сначала рассматриваться исходя из желания его прояснить. Если же у человека даже нет такого желания, он полностью выпадает из человеческих интересов (апатия). Таким образом, этот случай будет неактуален для целей данного исследования, если только не привлекать других людей в качестве носителей интересов.

Понятие внешнего мира уже рассматривалось ранее (§ 3), как и содержание, разделенное разными способами. Часть этого нужно повторить здесь, где логика рассуждений естественным образом связывается с ним. Внешний мир для индивида вида включает в себя частично физическую среду, частично растения и неосознанных

животных, частично сознательных животных других видов и частично сородичей. Возможно, что высшие животные также могут воспринимать собственный организм как внешний мир; человек, по крайней мере, способен на это. Кроме того, у человека существуют психические состояния и процессы, с которыми самость не ощущает тождественности, а также производные представления о метафизических условиях. К сенсорному и эмпирическому опыту добавляется комплекс образов внешнего мира, созданных интерпретацией и воображением.

Физическая среда представляется безразличной к полю интересов органического индивида. Целые фауны вымерли из-за того, что температура, влажность и другие условия изменились вразрез с потребностями организмов. Человек в определенной мере может управлять «стихиями» — воздухом, огнем, водой и землей, как говорили древние, — а также новыми силами, появившимися на горизонте, но не может обладать ими. Они работают как ворчащие рабы в наших дымоходах и плотицах; при малейшей возможности они прорываются и следуют собственному закону, словно мстят. Такое же безразличие можно обнаружить у растений и большинства животных (любовь домашних животных остается загадочным отношением) и до некоторой степени даже у окружающих людей и собственного организма. Вопрос о том, можно ли говорить о контакте интересов между нашими осознанными биологическими интересами и многими процессами в организме, остается на рассмотрении медицинской науки. По крайней мере за пределами чисто биологических условий такого контакта не обнаружено; он уже отсутствует в механизме боли (см. § 19). Гигантский олень — не единственный вид животных, вымерший именно из-за слепых органических сил (гипертрофии). Безразличие проявляется, с одной стороны, в том, что силы не поддаются расчету, а с другой — в том, что они не позволяют

себя подорвать: иногда угроза нашему благополучию исходит от непредсказуемости внешнего мира (в отношении наших планов), а иногда от его чрезмерной предсказуемости или склонности к ошибкам.

Наряду с безразличием значительную роль играет враждебность внешнего мира; эта черта особенно проявляется у животных, но в особенности — у других людей. Здесь этот термин должен охватывать ряд нюансов: на одном конце шкалы находится сатаническое использование слабости другого, где намерение состоит только в том, чтобы противодействовать интересам жертвы. Мотивы могут сильно различаться. Примеры: некоторые виды пыток, борьба, где важнее поражение противника, чем собственная победа, садизм. Граница с несатаническим нечетка; уже в борьбе с соперником она пересекается. Здесь каждый из участников стремится реализовать собственные интересы. В этом стремлении человек, безусловно, должен бороться против интересов другого, но лишь постольку, поскольку стремления другого мешают его собственным целям; поражение интересов другого само по себе не имеет привлекательности. Продолжением этого примера является конфликт интересов, где более сильная сторона (например, «общество») с сожалением причиняет вред интересам более слабой стороны.

Также нет резкого перехода к симпатичной среде. Даже из предположительно благоприятной среды могут исходить угрозы: симпатичный человек причиняет мне зло, чтобы спасти ценность, которая, по его мнению, выше (для других или для меня, прямо или косвенно), — оценка, которую я в данный момент могу не разделять. Или: мотив наилучший, но понимание недостаточно. Или: чужие намерения изменяют импульс на пути к получателю или моя нужда со временем становится другой. Чрезмерные проявления симпатии могут показаться неприятными тому, кого они должны были порадовать.

Наконец, можно упомянуть, что современный общественный порядок влечет за собой ряд ограничений для способности индивида выражать и удовлетворять свои нужды, не связанной с тем, что внешний мир обладает безразличным, враждебным или симпатичным характером. Это связано с необходимостью. Можно в самом крайнем случае говорить о безразличии условий жизни в более широком смысле, что проявляется в том, что такая необходимость возникла. В обществе сфера интересов индивида сталкивается с рядом других, которые воспринимаются как группы и индивидуумы, например: супруг, ребенок, семья, друзья, коллеги по цеху, начальники и подчиненные, политические соратники и противники, конкуренты и соперники, государство и община, церковь, иностранцы, представители других рас, различных вероисповеданий и т. д. Забота о себе и об окружающих носителях интересов не всегда может быть согласована.

§ 65. Собственная причастность

До сих пор мы представляли себе катастрофу как нечто, что поражает человека, который в основном оставался пассивным; он не приводил в действие силы, вызывающие несчастье, своими положительными усилиями. Это различие, скорее практическое, чем принципиальное, играет центральную роль в изучении происхождения катастроф в трагическом аспекте и будет разъяснено далее. Этот анализ естественным образом относится к разделу о вредоносных силах, так как касается импульса разрушительной природы, скрытого в самой воле к жизни жертвы. Раздел, посвященный обстоятельствам, будет перенесен в § 72.

Противопоставление активной и пассивной позиций в отношении к происхождению катастрофы лучше выражать не разделением, а шкалой. На нижнем конце

этой шкалы находятся несчастья, которые обрушиваются на человека, не предпринявшего для этого ничего — ни «в связи» с несчастьем, ни вне такой связи. Человек рождается с дефектами или уродствами, он наследственно обременен, его заражают или пренебрегают им до того, как он начинает свою сознательную жизнь.

На ступень выше по шкале причин, связанных с волей, находятся несчастья, которые человек «зарабатывает», просто дыша, питаясь, двигаясь, находясь в определенном месте в определенное время, и так далее — коротко говоря, выполняя основные функции психофизического организма. Они связаны с минимальным риском, который не может быть исключен. Но обычный человек должен делать больше, чем это; он должен участвовать в сложной деятельности в рамках сообщества, заботиться о своей профессиональной деятельности, исполнять свои публичные и частные обязанности, заниматься развлечениями, искусством, эротикой. Такая активность также сопряжена с риском, и каждый человек должен идти на него, даже прилагая все усилия для осторожности (*diligentia quam in suis rebus*). Полная пассивность не позволяет избежать риска; наоборот, тогда несчастье становится неизбежным. Этот «законный риск» или «функциональный риск» заслуживает внимания; пока он не превышен, никому нельзя вменить в вину, что он подвергся ему.

Превышение законного риска приводит к нижним степеням того, что в уголовном праве называется небрежностью, а затем к более серьезным ее формам. Далее идет «преднамеренность» в широком смысле и, наконец, прямая воля или намерение.

Шкала отражает соотношение между катастрофой и мотивом как фактором, способствующим ее возникновению. Ее следует дополнить шкалой, показывающей, в какой мере мотив способен предотвратить катастрофу. Эта

шкала также начинается с чистого бессознания (врожденные гарантии, защитные механизмы организма и т. д.), затем идут катастрофы, которых избегают, находясь в определенном месте в определенное время и т. д.; следующий шаг — использование полезных (безопасных) средств в повседневной жизни, далее следуют различные степени преднамеренного предотвращения несчастий вообще и, наконец, осознанное использование всех доступных средств для предотвращения конкретной, реальной, надвигающейся опасности.

Наряду с мотивом на результат влияет также способность (техническое умение). Тема исследования, которой мы теперь должны заняться, лежит в цепочке «мотив — способность — результат»⁴.

Способность человека создавать катастрофы проявляется в несчастьях, которые затрагивают как его самого, так и других. Последнее, вероятно, встречается чаще и легче объясняется; первое же представляется парадоксальным. Обычные люди не причиняют вреда себе, если только не делают этого ради достижения высшей ценности (аскетизм), или более привлекательной в данный момент ценности (мазохизм), или для избегания большего зла, чем наносимое себе (самоубийство). Только в случае принуждения отношение меняется. Обычно человек подвергает себя риску, ставя свои ценности на карту ради хорошего результата или реализуя свои планы без достаточного понимания последствий.

В дальнейшем мы будем учитывать эту общую способность человека создавать катастрофы, независимо от того, затрагивает ли она самого деятеля или его ближнего. И прежде всего следует обратить внимание на вопрос о вине деятеля.

⁴ См. Бертран Рассел, *Our Knowledge of the External World* [«Наши знания о внешнем мире»], Лондон, 1926, стр. 228, 230.

§ 66. Первоначальный набросок понятия вины

Слово «вина» имеет широкую традицию в религиозной, этической, карательной и драматургической литературе, и в одиннадцатой главе у нас будет возможность ознакомиться с многочисленными значениями, приписываемыми ему в прошлом. На данный момент перед нами стоит иная задача: наметить понятие вины в рамках текущей логики рассуждений.

Соотносясь как с обычной лингвистической традицией, так и с этической и уголовной теорией, вину можно первоначально определить как нечто, возникающее в связи с отношением между усилием и результатом. Под усилием я понимаю здесь единство мотива и технической способности. Существуют религиозные системы, согласно которым можно согрешить, то есть стать «виновным», только лишь от «злого помысла», от одного только низшего мотива⁵, и подобные идеи выражены в правоприменении. Однако при рассмотрении вины как части генезиса катастрофы такое понятие вины не будет полезным. Никто не может защитить себя от того, что в его сознании появляются низшие мотивы; шанс на этический выбор возникает только тогда, когда человек определяет свое действие в отношении к низшему мотиву. Такие мотивы даже являются предпосылкой этически достойного хода действий; если бы они не появлялись и не преодолевались, нельзя было бы говорить о морали вообще. Христианство также устранило злые желания из человеческой воли и приписало их влиянию злых духов. Но тот факт, что человек не может здесь беспрепятственно действовать без ответственности, очевиден из предостережения: «Всякий, кто посмотрит на женщину с вожделением» и т. д., и заповеди «Не возжелай». В ис-

⁵ То есть мотив действия. Система верований не придает этическую или метафизическую значимость оценке мотивов, См. Хефдинг, *Ethik* [«Этика»], 1887, стр. 20.

следовании, подобном настоящему, такие желания нельзя учитывать, если они не имеют последствий для одного или другого состояния интересов. Гораздо более применимым для концепции вины в современном уголовном праве является требование действия: *Cogitationis poenam nemo patitur* («Никто не несет наказания за мысли»)⁶.

К какому бы соотношению между мотивом, средствами и результатом мы ни пришли как к порождающему вину, кажется очевидным, что без рабочего подхода к проблеме причины (рабочей концепции «причины») и к проблеме свободы воли (психологической проблеме причины) маловероятно продвинуться дальше. Когда в данной работе утверждается, что феномен *a* является одной из причин феномена *b*, это означает, во-первых, что *b* следует за *a* во времени и, во-вторых, что *b* по обычному опыту не мог бы, как представляется, возникнуть, если бы *a* не произошел раньше. Если мы сталкиваемся с новым и неизвестным типом феномена, то стараемся определить его «причины», используя аналогию с известными условиями. Опыт, лежащий в основе предположения о причинной связи, может быть заимствован; достаточно того, что человек (в пределах минимального риска) принял информацию об этом. В определении причинной концепции, как здесь, не обязательно заботиться о самом процессе, с помощью которого феномен *a* вызывает или порождает феномен *b*.

Таким образом, здесь не ищется философская причинная концепция, а практическая, которая функционирует в борьбе интересов человека и которой также пользуется философ, когда не «размышляет». Некоторые отношения (помимо чистой последовательности, как, например, ночь, следующая за днем и тому подобное) между предшествующими и последующими состояниями

⁶ Хагеруп, *Strafferettens almindelige del* [«Общая часть уголовного права»], Кристиания [Христиания], 1911, стр. 145.

рассматриваются в практической жизни как фиксированные, независимо от того, соответствует ли опыт какому-либо общему закону или может быть логически обработан. (Под состоянием в данном контексте не имеются в виду большие и малые условия — «причинное» состояние, «мировое состояние» никогда не возвращаются идентичными, — а условия, которые касаются борьбы интересов, имеют к ней отношение и могут быть на этом основании идентифицированы и признаны.) Даже там, где «причинная связь» кажется отсутствующей, на практике и почти во всех науках предполагается, что она все же существует — за исключением, конечно, философского осмысления проблемы причинности (и некоторых условий в атомной физике). В практической жизни допущение о фиксированных причинно-следственных связях является *sine qua non*; оно выражено в каждом переходном глаголе⁷, и в подавляющем большинстве «трагических» событий (какими бы они ни были) люди действуют и мыслят, исходя из такого допущения. В противном случае человек считается аномальным, если только не является философом-детерминистом.

К проблеме свободы воли мы должны подойти аналогичным образом — не философски, а практически, как к допущению свободы или ограничения, которые действуют в борьбе интересов человека. Проблема касается нас лишь постольку, поскольку она имеет отношение к мыслям и действиям, направленным на санкционирование. Мы исключаем случай, когда философ сделал работу над проблемой воли своим жизненным призванием. Для философа этот вопрос возникает как проблема наряду с другими, а его функция выходит за рамки. Однако в своей работе над проблемой воли философ будет представлять для нас интерес.

⁷ Бертран Рассел, *Our Knowledge of the External World* [«Наши знания о внешнем мире»], Лондон, 1926, стр. 228.

Вероятно, будет полезно отказаться от чрезвычайно абстрактного и двусмысленного выражения «свобода воли» в пользу других, более точных и осязаемых понятий. Здесь нам будет полезно обратиться к современному мыслителю, такому как Бертран Рассел.

Рассел (указ. соч., стр. 231) начинает свой анализ термина, определяя его аффективное значение. Он спрашивает: что мы на самом деле желаем, когда хотим свободной воли?

Некоторые из наших причин желать свободной воли глубоки, другие — тривиальны. Начнем с первых: мы не хотим ощущать себя в руках судьбы так, чтобы как бы сильно мы ни желали одного, мы все же могли бы быть принуждены внешней силой желать другого. Мы не хотим думать, что как бы сильно мы ни желали поступать хорошо, наследственность и окружение могут заставить нас поступать дурно. Мы хотим чувствовать, что в случае сомнений наш выбор важен и находится в нашей власти. Наряду с этими желаниями, которые достойны всяческого уважения [!], у нас есть, однако, и другие, менее достойные, которые также заставляют нас желать свободной воли. Нам не нравится думать, что другие люди, если бы они знали достаточно, могли бы предсказать наши действия, хотя мы знаем, что сами часто можем предсказать действия других людей, особенно если они пожилые.... Желание этого рода свободной воли кажется не более чем формой тщеславия. Я не верю, что это желание можно удовлетворить с какой-либо степенью уверенности; но другие, более достойные желания, по моему мнению, не противоречат ни одной приемлемой форме детерминизма.

Автор разделяет этот вопрос на два:

1. Предсказуемы ли действия человека теоретически, исходя из достаточного количества предшествующих событий?

2. Подвержены ли действия человека внешнему принуждению?

На первый вопрос Рассел отвечает утвердительно (стр. 233).

Для детерминиста не обязательно утверждать, что он может предвидеть всю конкретику акта, который будет совершен. Если бы он мог предвидеть, что А намеревается убить В, его предвидение не потеряло бы своей ценности из-за того, что он не мог бы знать все бесконечное многообразие мыслей А в момент совершения убийства или, например, будет ли оно совершено ножом или револьвером. Если тип акта, который будет совершен, можно предвидеть в узких рамках, то малозначимо, что существуют тонкие оттенки, которые предсказать невозможно. ... Закон не утверждает лишь, что при повторении той же причины будет получен тот же результат. Он скорее указывает на существование постоянной связи между причинами определенных типов и результатами определенных типов. ... Можно предположить — хотя это сомнительно — что существуют законы корреляции между ментальным и физическим, в силу которых, зная состояние всей материи в мире, а значит, и всех мозгов и живых организмов, можно было бы вывести состояние всех умов в мире [последнее приведено для контекста, хотя ценность для нас сомнительна]. ... Очевидно, что существует некоторая степень корреляции между мозгом и умом, и невозможно сказать, насколько полной она может быть. Однако это не та мысль, которую я хочу подчеркнуть. Я хочу подчеркнуть, что даже если мы признаем самые крайние утверждения детерминизма и корреляции между разумом и мозгом, все равно из этого не следует ничего враждебного для того, что важно сохранить в свободе воли.

Суть в следующем: хотя считается, что действие человека определяется всем его прошлым, это не означает, что в момент выбора человек вынужден делать не то,

чего он «хочет», что считает наиболее подходящим. Желание и оценка могут быть детерминированы и находиться в постоянной связи с действием (или, точнее: действие может быть функцией своих предшествующих условий), не разрушая при этом субъективного чувства свободы. Исходя из этого вывода, автор может теперь ответить на второй вопрос отрицательно. Подвержены ли человеческие действия внешнему принуждению?

У нас, при размышлениях, существует субъективное чувство свободы, которое иногда приводится как аргумент против мнения о том, что волевые акты имеют причины. Однако это чувство свободы — это лишь ощущение, что мы можем выбирать среди множества альтернатив: оно не показывает нам отсутствия причинной связи между тем, что мы предпочитаем выбрать, и нашим предшествующим опытом.

Объяснение следует ниже:

Причины не вынуждают свои следствия. ... Существует взаимное отношение, так что одно можно вывести из другого. ... Мы (не будем) говорить, что настоящее состояние вынуждает прошлое состояние быть таким, каким оно было; однако оно делает его необходимым как следствие данных, в том единственном смысле, в котором следствия делаются необходимыми своими причинами. [Здесь было бы уместно уточнить эту разницу.] Различие, которое мы ощущаем в этом отношении между причинами и следствиями, является лишь заблуждением, обусловленным тем, что мы помним прошедшие события, но не помним будущее.

Высказывание Рассела, будучи открытым, релятивистским, технически совершенным и исчерпывающим в своей попытке примирить старые антагонистические взгляды, тем не менее не оставляет читателя в состоянии облегченного освобождения. Ощущается, что в известной и упорно сохраняющейся проблеме еще остается много

загадочного. И здесь тот, кто стремится прояснить трагическое, должен попрощаться с профессиональным фило-софом и следовать своим путем, если хочет продвинуться вперед. В борьбе человеческих интересов существует принципиальное различие между причинами и следствиями, между действием и его последствием. Без различий такого рода, находящихся в центре внимания, жизнь не могла бы существовать или, по крайней мере, не в известных нам формах. Научный взгляд, представленный Расселом, согласно которому фиксированные отношения являются не причинно-следственными, а взаимно функциональными, непригоден на практике хотя бы потому, что на практике можно в значительно большей степени заключить от причины к следствию, чем от следствия к причине. Конечный результат может иметь множество различных истоков, особенно когда вопрос ставится о «типе эффекта» и не предполагается принципиальное отношение. В конечном состоянии история происхождения может быть размыта. Если я ударю по динамиту, я точно знаю, как все пойдет, но что касается последствий, то сразу возникает множество вариантов (см. расследование поджога). Шедевр, несомненно, можно превратить в пепел, но является ли пепел шедевром или мусором? Разница еще больше, когда причиной выступает выражение воли. Из желания мести можно вывести убийство, но нельзя из трупа вывести желание мести.

Однако целью этих размышлений было нахождение рабочего подхода. У нас есть два опытных условия для рассмотрения:

1. Когда одновременно действуют несколько мотивов, требующих различных реакций на один и тот же стимул, мы воспринимаем решение как задачу выбора, за результат которой мы несем ответственность. Это означает, что мы предвидим и принимаем, что ожидаемые последствия нашего действия будут в определенной сте-

пени отражаться на нашем собственном благополучии. Если это происходит в условиях, где действуют межличностные ценности, ответственность означает, что мне, возможно, придется (внешне или по собственному моральному убеждению) (сообразно своим возможностям или в определенной мере) восстановить эти ценности, если я им навредил, и, возможно, даже понести «эквивалентное» ухудшение благополучия.

2. Второе условие таково: наш мозг устроен так, что мы «понимаем» только то, что имеет «структуру». Мы не можем представить себе акт воли, не имеющий причины, потому что он лишен структуры. Все наши и чужие реакции, которые мы «понимаем», мы понимаем потому, что считаем, что знаем причину. Когда это становится для нас ясным, мы переживаем так называемое «ага-ощущение». Причиной всегда является интерес; без интереса нет акта воли, а есть лишь рефлекс, идеомоторная реакция и т. д. Действие, противоречащее всем интересам, невозможно или патологично — я хватаюсь за ручку ножа, а не за лезвие, потому что не хочу порезаться. Если я хватаюсь за лезвие, это должно быть ради какой-то цели или из-за невнимательности, спешки и т. д. В конечном счете интерес может заключаться в следующем: я в любом случае докажу, что у меня есть свободная воля. Так же как в физическом окружении и при общении с животными мы ожидаем, что стимулы, которые мы наблюдаем, имеют причины, мы действуем среди людей, исходя из постоянного предположения, что выражения воли также их имеют, иначе мы никогда не смогли бы на них влиять. Обсуждения фактов, аргументы, убеждения, призывы, угрозы и агитация прекратились бы и были бы заменены физическим принуждением.

Способность к выбору и осознание ответственности, субъективно переживаемое психологическое нефиксированное состояние агента, являются необходимыми